Слово редактора

Виктор Вахштайн

«Поворот к материальному»: тридцать лет спустя

В 1980-х годах в социальной теории произошел так называемый «поворот к материальному». Мы до сих пор спорим, был ли это «онтологический» или «семиотический» поворот, стояла ли за ним принципиально новая интуиция социального мира или просто нескольким мистификаторам от науки удалось отвлечь часть молодых социологов от решения «больших проблем» современных обществ, направив их энергию в размытое русло метафизической рефлексии.

Метафора поворота предполагает радикальную смену аксиоматики. Нечто привычное, очевидное и само-собой-разумеющееся начинает казаться архаичным предрассудком, пережитком прошлого. И, напротив, «совершенная дичь» и «постмодернизм» (слова-синонимы в языке многих отечественных ученых) приобретают статус аксиом. Если это требование не выполняется, то мы имеем дело не с поворотом, а всего лишь со сменой доминирующей риторики. Под эту квалификацию попадает примерно половина статей и диссертаций, во введении к которым декларируется лояльность повороту к материальному. Далее я буду называть данный кластер работ «Поворотом-к-материальному — 0» (ПкМ-0).

Вахштайн Виктор Семенович — заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»), кандидат социологических наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com
Victor Vakhshtayn — Chair in Sociological Theory and Epistemology (RANEPA), Professor of Sociology (Russian-British Postgraduate University Moscow School of Social and Economic Sciences). E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Полная версия этой статьи — «Три поворота к материальному» — будет опубликована в рамках дискуссии о «незаметной латуровской революции» в ближайшем выпуске журнала «Антропологический форум».

Данный текст написан при подготовке научно-исследовательской работы «Постгуманистические направления социологических исследований: проблемы и перспективы технотелесной гибридизации» (2015 г., ЦСИ РАНХиГС).

Как устроено подобное высказывание? Первый шаг: отсылка к прецедентным авторам. Например: «Благодаря работам Б. Латура и Дж. Ло сфера исследований Х никогда не будет прежней. Чтобы лучше понять свой предмет, мы должны обратиться к многочисленным традиционно игнорируемым и неразличаемым материальным объектам, без которых Х трудно себе помыслить». Собственно, сама сфера Х может быть любой: исследования науки и техники, социология города или экономическая антропология. Средний читатель на первом шаге приходит в недоумение: разве без Латура мы не знали, что города состоят, в том числе, из домов? Или что мастерские по ремонту техники имеют дело с материальными техническими объектами? Или что товары — это (преимущественно) материальные вещи, обмениваемые на (иногда) материальные дензнаки? Особое недоумение у антропологов должны вызывать призывы сфокусироваться на «материальной культуре», как будто материальная культура (понятая именно как «культура» — т. е. продукт осмысленной человеческой активности) не находилась в фокусе антропологии на протяжении практически всей истории дисциплины.

Однако на втором шаге недоумение от банальности захода сменяется недоверием от избыточной оригинальности прочитанного: «Материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира. Мы собираемся исследовать сферу Х как результат непрерывного симметричного взаимодействия человеческих и нечеловеческих актантов». То есть, городская политика делается совместно людьми и домами, компьютер чинит мастера в той же степени, что мастер чинит компьютер, а материальная форма товара непосредственно связана с его культурной биографией [Копытофф, 2006].

Впрочем, на третьем шаге средний читатель, как правило, успокаивается. Потому что авторы ПкМ-0 не намерены выполнять свои обещания. Сразу же за декларацией о намерениях следует стандартное и, чаще всего, скучное исследование «практик принятия политических решений в муниципалитете», «ритуалов сообщества мастеров по починке ноутбуков» или «культурных детерминант рыночных транзакций» (все это на материалах энного количества глубинных интервью и часов включенного наблюдения). Время от времени автор вспоминает о своем желании «сфокусироваться на объектах», но объекты благополучно утопают в практиках, ритуалах, сообществах и культурах.

Нулевая версия поворота к материальному — довольно дешевая репродукция. Она по карману любому умеющему читать аспиранту — социологу или этнографу. Она не требует от автора создавать оригинальный теоретический язык, искать новую концептуализацию своего объекта, сдерживать инстинктивные позывы порас-

суждать о «социальной природе феномена X». Структура аргумента и объяснительные модели таких авторов откатаны десятилетиями упорного труда их предшественников, ничего не слышавших о повороте к материальному. В исследованиях ПкМ-0 постоянно упоминаемые материальные объекты имеют характер предикатов или атрибутов чего-то иного — чаще всего, социальных практик — того, что и выступает подлинным предметом исследования. В итоге мы читаем работы, легко сводимые к избитой формуле «социальное конструирование X в практиках Y», только практики теперь описываются как до отказа забитые материальностью.

Интересно, что исследования «практик конструирования X» действительно свидетельствуют о смене доминирующей аксиоматики — вот только эта смена произошла полстолетия назад, когда именно в регионе практики (как чего-то имманентного, локального, нерефлексивного) получила постоянную прописку идея социального [Волков, Хархордин, 2008]. И если бы ПкМ-0 был единственной версией поворота к материальному, мы могли бы торжественно подвести черту под этим унылым начинанием, засвидетельствовав окончательное торжество «прагматического поворота» (который действительно изменил доминирующий язык описаний и способ мышления, что и иллюстрируют работы ПкМ-0). Впрочем, самая дешевая версия поворота к материальному не представляет угрозы ни аксиоматике традиционной социальной науки, ни попыткам ее радикального переустройства, представленным в работах ПкМ-1 и ПкМ-2.

«Поворот к материальному — 1» (ПкМ-1) — куда более интригующее теоретическое предприятие. По факту оно представляет собой форму *эпистемической эмансипации*. Эпистемическая эмансипация — явление редкое и загадочное. Начинается она с того, что некоторое множество элементов X предметного поля Z обособляются в самостоятельную область и заявляют о своей «необъяснимости» традиционными способами — разрывается устойчивая связь с аксиоматикой. На следующем этапе эти сепаратистские элементы включаются уже в множество первичных реальностей (Y) и сами становятся частью дисциплинарного ядра. Таково в частности отношение между «структурой» и «культурой» в социологической теории. Исторически социология стремится объяснить феномены культуры — коллективные представления, мифы, верования, идеологии и мировоззрения — морфологией сообществ (стратификацией, солидарностью, системами родства, разделением труда, формами эксплуатации т. п.). Однако благодаря работам позднего Дюркгейма и (в большей степени) «сильной программе» культурсоциологии [Александер, Смит, 2010] мы сегодня знаем, что культура не объясняется социальной морфологией — напротив, коллектив-

ная память, к примеру, обладает своей собственной «твердостью» и каузальной силой. Список социологических «первичных реальностей» пополнился еще несколькими составляющими. Аналогичным образом повседневный мир традиционно объяснялся набором социологических «первичных реальностей»: пространство улицы скрывало политическую волю правящего класса, рутинные практики — интересы игроков, взаимодействия лицом-к-лицу — морфологию сообществ. Благодаря работам феноменологов мы научились видеть повседневный мир как реальность sui generis, несводимую к иным социальным сущностям и не объясняемую ими [Шюц, 2003]. Благодаря теоретикам практик мы поняли, что повседневные рутины можно использовать в качестве объяснения процессов «конструирования» чего угодно [The practice turn, 2003]. Сегодня сфера повседневности, эмансипировавшаяся от множества Z (объясняемых феноменов) и перешедшая в множество Y (региональной онтологии), используется как плацдарм для вторжения в смежные дисциплины: выборы — это не политический факт народного волеизъявления, а фреймированное взаимодействие людей лицом-к-лицу на избирательных участках; так же и городское пространство уже не имеет ничего общего с географическим пространством — это просто реификация, слепок повседневных рутинных практик.

«Поворот к материальному — 1» начинается как эмансипация объектов материального мира, высвобождение их из-под давления традиционных первичных реальностей социологической аксиоматики. Неслучайно в основе ПкМ-1 лежат работы антропологов [Thompson, 1979; Douglas, Isherwood, 1996; Копытофф, 2006; Appadurai, 1986, p. 3–63], исторически менее расположенных к сильным социологическим объяснениям. ПкМ-1 — это социология вещей per se. Вещи должны получить свободу от социального, они больше не являются пассивным экраном, на который проецируются социальные смыслы, не служат подручными инструментами социальных фактов, не выступают видимым, но молчаливым свидетельством незримого социального порядка. Они должны анализироваться как *условия возможности* этого порядка.

ПкМ-1 — довольно дорогое приобретение. Поскольку речь уже не идет о простой реконцептуализации вещей (с чего начинается эпистемическая эмансипация материальности) — нам придется отказаться от множества привычных интуиций, метафор и понятий. Например, от дурной привычки использовать «повседневные практики» в качестве универсального дескриптора и общего знаменателя изучаемого нами мира. Больше нет практик и их объектов — есть объекты и их практики.

Но при чем здесь Латур?

Ссылки на работы Б. Латура, М. Каллона и Дж. Ло стали обязательными ритуальными элементами практически для всех авторов ПкМ-1. Латуровская риторика — несомненно, одна из самых сильных в этом движении. Только Латур может быть до абсурда последователен на пути эмансипации материальности — вплоть до призыва дать объектам право голоса и требования созвать «парламент вещей». В результате складывается ложное впечатление, что именно создателям акторно-сетевой теории мы обязаны победным шествием ПкМ-1. Однако латуровская ставка куда выше эпистемической эмансипации материальности. Наиболее радикальную, инспирированную Латуром, версию ПкМ я далее буду называть «Поворот к материальному — 2».

Общим для двух версий ПкМ является декларируемое стремление стереть грань между субъектом и объектом, человеками и нечеловеками (non-humans). Но что скрывается за понятием «не-человека»? Человекообразный примат [Латур, 2007]? Томограф [Mol, 2002]? Португальский галеон [Ло, 2006]? Морской гребешок [Callon, 1986]? Или идея технического прогресса? Дух инноваций? Имперская идентичность? Французское сельское хозяйство? ПкМ-1 с готовностью присваивает статус действующих субъектов вещам, но с настороженностью относится к нематериальным сущностям, тем более таким аморфным и трудноуловимым. Однако для авторов ПкМ-2 имперская идентичность может быть даже в большей степени действующим субъектом, чем все материальные объекты вместе взятые. Понятие «non-human» оказывается до крайности двусмысленным, когда вслед за уже отринутым делением на людей и не-людей мы по стопам Латура и Ло отказываемся от различия между вещами и нематериальными сущностями.

Какова архитектура этого отказа? В какой момент ПкМ-2 становится «поворотом от материального»? Собственно, термин «актант» Брюно Латур заимствует у своего учителя А. Греймаса, главы Парижской школы семиотики. Недавнее исследование [Напреенко, 2013] показало этот переход — в какой момент Латур решает «опрокинуть семиотику в онтологию», распространив принципы семиотического анализа на объекты «по ту сторону текста». В этой новой онтологии что-то может быть признано существующим лишь по эффектам своего конститутивного действия (по силе и количеству связей с другими актантами); есть метафоры, которые «существуют» куда больше некоторых людей и вещей. Онтологический статус — не априорная, а достижительная характеристика.

ПкМ-2 — это в полном смысле слова «онтологический поворот». Материальность (освобождение которой заявлено как главная задача авторами ПкМ-1) для последовательных латурианцев — всего лишь разменная монета. Они жертвуют ей как пешкой уже в дебюте.

Как следует из нашего краткого сопоставления, названия «поворот» в полной мере заслуживает только ПкМ-2. Лишь в работах сторонников «онтологического поворота» заявлена претензия на смену дисциплинарной аксиоматики — не просто перенос границы между двумя множествами элементов (предметного поля и онтологического ядра), но отказ от проведения этой границы как таковой. Впрочем, если бы не успех авторов ПкМ-1, с их утопическими манифестами и неослабевающим вниманием к материальным объектам, вряд ли бы в этот самый момент такое количество исследователей по всему миру вчитывались бы в тексты Б. Латура. Латур как актант обязан силе своего конститутивного действия тому самому проекту (ПкМ-1), который хотел бы оставить в прошлом[1], чтобы дать место новой социологической онтологии, где уже не будет ни «материального», ни «нематериального», а только «действующее» или «недействующее» (ПкМ-2).

Тем не менее, большинство текстов в этом номере написаны не представителями многочисленных версий «поворота к материальному», а теми исследователями, которые сегодня вынуждены пересобирать предмет своего анализа с учетом последствий акторно-сетевой революции. Мария Ерофеева возвращает нас к классической теории социального действия, показывая две стратегии ее переосмысления после латуровского вторжения. Мария Константинова анализирует «эпистемический сдвиг» в самой логике социологического теоретизирования — в частности, смещение от метафоры к метонимии — которым мы также обязаны развитию социологии вещей. Статья Андрея Кузнецова написана в жанре социологического расследования — чтобы обосновать проводимое им различение «вещей» и «объектов», автор углубляется в историю написания, публикации и перевода одного из ключевых латуровских текстов. Иван Напреенко, прослеживая семиотические основания акторно-сетевой теории, переносит читателя в область философской антропологии и проблематики изменения человеческой природы: антропоморфизации техники и кибернетизации людей. Павел Барышников обращается к теме интенсивно развивающегося в последние годы интернета вещей, а точнее — к нарративам и мифам, порожденным этой тенденцией. Предлагая нетривиальный, по-пропповски скрупулезный анализ «морфологии технологической сказки», автор неожиданно возвращается к традиционной для социологической классики проблеме дистанций, границ и расстояний.

1 См. сборник работ отцов-основателей акторно-сетевой теории, который должен был стать ее эпитафией [Actor-Network Theory, 1999].

Сходную проблему разграничения/дислокации человеческих взаимодействий ставит в своей работе и Нильс Оливер Кловайт. В фокусе его исследования — «технологические фреймы», особые формы интеракции, возникающие по мере нарастающей технологизации повседневного мира. Логику исследований повседневной материальности продолжает Андрей Корбут, анализирующий практики обращения с вещами в аэропорту — от монет, которые выгружают из своих карманов пассажиры, проходящие рамку металлодетектора, до оставленного багажа, который должен быть описан, категоризирован и помещен на хранение. Николая Руденко, напротив, интересует бытование материальных объектов, отчужденных от своего повседневного существования — в центре его внимания экспонаты этнографического музея и способы их гетеротопичного соположения. Наконец, Илья Утехин сообщает исследованиям материальности неожиданное измерение: обращаясь к истории патентов на разного рода технические «изобретения от вредных привычек», он пишет альтернативную — технологическую — историю человеческой сексуальности.

При всем разнообразии представленных в номере статей у них есть одна общая черта. Это попытка проследить связь между «революционной» объектно-ориентированной социологией и стремительно становящимися «классикой» — но еще в недавнем прошлом не менее революционными — исследовательскими направлениями: теорией фреймов, этнометодологией, исследованиями сексуальности, «гетеротопологией» etc. То новое, что принесло с собой развитие акторно-сетевой теории, на наших глазах перестает быть новым. Латуровский ход на доске познания сделан, блестящая интеллектуальная комбинация «поворота к материальному» разыграна. И теперь наша задача — сделать следующий ход, воспользовавшись открывшимися возможностями концептуализации.

Библиография

Александер Дж., Смит Ф. (2010) Сильная программа в культурсоциологии/Пер. с англ. С. Джакуповой. *Социологическое обозрение,* 9 (2).

Волков В.В., Хархордин О. В. (2008) *Теория практик,* СПб.: ЕУСПб.

Копытофф И. (2006) Культурная биография вещей: товаризация как процесс / Под ред. В. Вахштайна. *Социология вещей*. М.: Территория будущего.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности / пер. с англ. А. Смирнова под ред. В. Вахштайна. *Социологическое обозрение*, 6 (2).

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства / пер. с англ. В. Вахштайна. *Социологическое обозрение*, 5 (1): 30–42.

Напреенко И.В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти,* 1–2.

Шюц А. (2003) О множественности реальностей. *Социологической обозрение,* 3 (2).

Actor-Network Theory and After (1999) ed. by J. Law and J. Hassard. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.

Appadurai A. (1986) Introduction: Commodity and the politics of value. *The social life of things. Commodities in cultural perspective,* Cambridge: Cambridge University Press.

Callon M. (1986) Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay. *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Pol.

Douglas M., Isherwood B. (1996) *The world of goods,* London: Routledge.

Mol A. (2002) *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.

The Practice Turn in Contemporary Theory (2001) ed. by T. Schatzki et al. New York: Routledge.

Thompson M. (1979) *Rubbish theory*, Oxford: Oxford University Press.

References

Actor-Network Theory and After (1999) ed. by J. Law and J. Hassard. Oxford and Keele: Blackwell and the Sociological Review.

Appadurai A. (1986) Introduction: Commodity and the politics of value. *The social life of things. Commodities in cultural perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.

Callon M. (1986) Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay. *Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge?* London: Routledge and Kegan Pol.

Douglas M., Isherwood B. (1996) *The world of goods*, London: Routledge.

Mol A. (2002) *The Body Multiple. Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.

The Practice Turn in Contemporary Theory (2001) ed. by T. Schatzki et al. New York: Routledge.

Thompson M. (1979) *Rubbish theory*, Oxford: Oxford University Press.

Aleksander J., Smit F. (2010) Sil'naia programma v kul'tursotsiologii [The strong program in cultural sociology] / Per. s angl. S. Dzhakupovoi. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 9 (2).

Volkov V.V., Kharkhordin O. V. (2008) *Teoriia praktik [Theory of practices]*, SPb.: EUSPb.

Kopytoff I. (2006) Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess [The cultural biography of things: commoditization as process] / Pod red. V. Vakhshtayn. *Sotsiologiia veshchei*. M.: Territoriia budushchego.

Latour B. (2007) Ob interob''ektivnosti [On interobjectivity] / per. s angl. A. Smirnova pod red. V. Vakhshtayn. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 6 (2).

Law J. (2006) Ob''ekty i prostranstva [Objects and Spaces] / per. s angl. V. Vakhshtayn. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 5 (1): 30–42.

Napreenko I.V. (2013) Semioticheskiĭ povorot v STS: teoriia referenta Bruno Latura. [Semiotic turn in STS: theory of referent of Bruno Latour]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of power]*, 1–2.

Schutz A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostei [On Multiple Realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 3 (2).